

Александр Гордиенко

ГОД МУЖЧИНЫ

ОРДЕР НА ЛЮБОВЬ

ОТКАЗАТЬСЯ НЕВОЗМОЖНО

18+

Год Мужчины

Александр Гордиенко

Год Мужчины. Ордер на Любовь

«Гордиенко Александр»

2016

Гордиенко А.

Год Мужчины. Ордер на Любовь / А. Гордиенко — «Гордиенко Александр», 2016 — (Год Мужчины)

ISBN 978-80-7499-240-7

Кто-то очень могущественный выдал Ордер на Любовь. Вещь — редчайшая. Выдается одному на миллион. Или на миллиард. Отказаться невозможно. Как от рака. Ордер на Любовь к человеку случайному, чуждому, равнодушному, из другой галактики. И что с этим делать? Как (!) строить свою жизнь без надежды, что тебе ответят взаимностью? Именно с такой проблемой столкнулся Александр Железнов, мужчина с характером, по иронии судьбы — автор популярнейшего шоу по выбору красивейшей женщины России...

ISBN 978-80-7499-240-7

© Гордиенко А., 2016

© Гордиенко Александр, 2016

Содержание

*** (0)(1) Железнов	5
*** (1)(1) Маша	9
*** (2)(1) Игра (Формат: «Она мне нравится»)	11
*** (1)(2) Маша	17
*** (2)(2) Игра (Формат: «Она мне нравится»)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Гордиенко

Год Мужчины

ОРДЕР НА ЛЮБОВЬ

*** (0)(1) Железнов

Гостиница «Рэдиссон Славянская»

За 12 месяцев до выхода в эфир финальной игры «Она мне нравится».

Александр Железнов с бокалом сухого красного, аккуратно обходя танцующих, медленно выбирался из зала, в котором телекомпания энергично праздновала Новый год, а заодно – и свою очередную годовщину. Веселье было в разгаре. На подиуме – эффективное средство от импотенции в лице «Виагры»: песни – забойные, тела – открытые, ноги – стройные, у мужиков – блеск в глазах, крутизна в плечах, у женщин глаза потеплели, индекс взаимного доверия взлетел на невиданную в рабочие дни высоту, в общем: «Мы – лучшие!»

Настроение у Железнова было звонкое, хрустальное. Вспомнилось, что нечто подобное он испытывал давным-давно, после защиты диссертации, когда пришло понимание, что он, молодой и дьявольски талантливый, смог, вопреки всему, защитить в двадцать четыре «пионерскую» в России диссертацию, и все впереди... Сегодня же, как считал Железнов, повод был не менее значимый – генеральный сказал: «В работу». А «в работу» означало ни более и ни менее как то, что формат развлекательной программы – шоу «Она мне нравится», который придумал он, Железнов, генеральный одобрил и дал команду продюсерам из департамента развлекательных программ на детальную проработку формата и производство цикла программ.

Пробираясь к выходу из зала, Железнов размышлял о том, как часто реализуются банальности из серии, что жизнь представляет собой цепь случайностей. Еще вчера его формат в виде двадцати страниц убористого текста валялся где-то в столе с резолюцией Наума: «Это не наш формат. На нашем канале он не пройдет, но так как я в этом участия не принимал, тебе самому решать, двигать его дальше или нет». Валялся месяца два. Валялся, потому что Няма Гений был для Железнова «пререкаемым», но все-таки авторитетом в области телевизионного креатива, а сам Железнов был финансовым комиссаром телеканала – то есть тоже авторитетом, но авторитетом в области, лежащей где-то перпендикулярно креативу.

Когда же Железнов на какое-то мгновение остановился, пропуская очередную танцующую пару, одновременно выискивая взглядом направление своего дальнейшего продвижения к выходу из зала, размышления слетели: «О, легок на помине». Навстречу ему, расталкивая и распахивая всех, правда, при этом по-доброму улыбаясь и извиняясь, с бутылкой виски в одной руке и пузатым бокалом – в другой двигался Наум Александров, он же Няма Гений. Железнов, в спину которого слегка врезалась одна из танцующих пар, не преминул прокомментировать неожиданную встречу:

– Более уединенного места для встречи друзей и не придумать.

– Ты имеешь в виду, что на нас никто не обращает внимания? – Наум махнул рукой, отметая этот факт. Было видно, что его переполняют эмоции. – Саня! Ты – гений! Продавить на канал свой формат! Давай отметим! – Наум поднял руку с бутылкой виски.

– Продавить?! Рокотову?! Тоже мне... пластилинового нашел.

– Да уж... – Наум попытался бутылкой почесать свой затылок. – Как-то не срастается. Мимо генерального не проскочишь. Но и поверить не могу! Это же не наш формат! Как тебе...

– Уже – наш. Кастинги участниц начинаются на следующей неделе. Сегодня началась работа над эскизами декораций. Генеральный запросил предложения по ведущим шоу. Вот так.

– Ну ты и монстр! И все же, как же тебе это удалось?!

– Няма, а где было твое знаменитое гениальное чутье?

– Опыт! Опыт – был против. А чутье... – Наум закатил глаза кверху, «вспоминая», где же оно было, его чутье. – Насморк у меня был! Творческий! С заползанием на мозг! Саня! Не томи! Как тебе это удалось?

– Я же говорю – вынул из стола! – Железнов улыбнулся, вспоминая стремительное развитие событий накануне.

Вчера к нему в районе обеда забежал продюсер Женька Леонов из производственного с просьбой помочь оформить представительские. Железнов ваял очередной контракт, оставалось чуть-чуть, пару минут, и он, чтобы чем-то занять Женьку, достал из стола валявшийся сверху формат.

– Посмотри пока. Посмейся. Дилетант делал.

– Давай.

Железнов развернулся к компьютеру – запустил форму для представительских на печать и принялся заносить реквизиты в контракт.

– Гы-гы, – раздалось за спиной, – гы—гы. – Леонов, разместившись в кресле для гостей, довольно урчал, быстро просматривая страницу за страницей. – Ты знаешь, а мне нравится! И вправду нравится! Саш, а можно я шефу покажу?

– Да без проблем. – Железнов повернулся в кресле в сторону продюсера.

– А что сказать, с автором договоримся?

– Считаю, договорился.

– Как это? – Леонов слегка опешил. – Это ты, что ли?

– Я.

– Ну и ну! – Леонов как-то по-новому, оценивающе взглянул на Железнова. – Ну так я побежал?

– Опасно. – Тонем эксперта отрезал Железнов.

– Что опасно? – На лице продюсера последовательно проявились непонимание и неуверенность, разрешает или нет Железнов взять формат.

– Солидный человек, можно сказать продюсер, бегущий по офису, может вызвать панику: а вдруг как пожар! Или опять же – алиментщиков организованно по этажам ловят... – Железнов, не в силах больше сдерживаться, широко улыбнулся.

– А... – Непонимание на лице Леонова никак не хотело трансформироваться в нечто более позитивное. – Шутить?

– Уже нет. Леоныч, – Железнов несколько замялся, – у меня к тебе просьба: только шефу, это раз, и вторая – никому больше не говорить, что я тут в свободное от работы время форматы пытаюсь ваять. Дилетантство вроде бы. Нехорошо. Хорошо? Договорились?

– Да-да, конечно... – Леонов уже мысленно беседовал с шефом. – Конечно...

– За заявкой не забудь зайти! – уже вдогонку крикнул Железнов.

Через полчаса прилетел возбужденный Леоныч.

– Ты представляешь, шефу понравилось, он схватил формат и – к генеральному! Генеральный просмотрел и говорит: «В работу»! Саша, такого еще не бывало!

Выслушав эту историю, Наум удивленно покачал головой:

– Да... Неисповедимы пути господни... Это ты на вынос, домой? – Наум кивнул на бокал в руке Железнова.

– Ага, троллейбус у входа ждет: пассажиры нервничают, кондуктор мне место держит, а ты тут вопросы разговариваешь. – Железнов усмехнулся и повел взглядом вокруг себя. – Да

все здесь как-то уж очень энергично. Хочу перекурить в тишине. – Железнов кивнул в сторону холла и приподнял руку с бокалом: – На пару с испанским.

– И осознать значимость момента! Саша, кроме КВНа, я не знаю других отечественных форматов!

– Няма, ты мне невозможного не приписывай. Скажешь тоже – осознать... – Железнов иронично улыбнулся. – Я же пол-ков-ник! В недалеком прошлом, справедливости ради. И в соответствии со сложившимися стереотипами думать мне не положено, вернее, нечем. И эмоции мои должны быть сосредоточены в одном месте – в виде ненависти к врагу. Да ладно, Няма, – Железнов понизил тонус разговора, – я и вправду сам не ожидал, что все так срветется. Неожиданно. И быстро. За полдня каких-то. Давай после этого сабантуя – ко мне. Надо все это обсудить. Хорошо?

– Договорились.

Уже ближе к выходу из зала плотность танцующих заметно упала, и Железнов облегченно вздохнул – наконец-то ему удалось выбраться из этого астероидного пояса, именно такая ассоциация возникла у него в голове, по-видимому, вследствие непредсказуемости движения каждой отдельной пары и всей их совокупности в целом. Но не тут-то было: когда до спасительных дверей оставалось всего метров пять, из них стремительной походкой появился Рокотов Александр Борисович – генеральный директор телекомпании, который, увидев Железнова, совершил сразу две неожиданные для последнего вещи: во-первых, заговорщически подмигнул ему – типа, мы с тобой знаем то, чего остальные пока не знают, а во-вторых, изменил траекторию движения в сторону Железнова (в общем-то они оба знали, кто есть кто, но так как компания большая, все их предыдущее общение сводилось к односложным деловым фразам профессионалов при подготовке и подписании самых крупных договоров).

– Добрый вечер, Саша!

Ошалевший на мгновение от неожиданной реакции на него генерального директора Железнов на автомате протянул руку для рукопожатия:

– И вам работу не менять, Александр Борисович!

Рокотов рассмеялся:

– Не ожидал, Саша. Честно признаюсь – не ожидал. Чтобы финансист предложил формат... Да еще такой смелый и яркий – выбирать красивейшую женщину России среди обычных женщин, без участия профессиональных моделей...

– На объективной, а значит, достоверной основе.

– Как вам такое в голову пришло?!

– Дак чистый эгоизм, Александр Борисович.

– У вас есть протезе на титул красивейшей женщины?

– Совсем наоборот. Я же закоренелый холостяк...

– Я в курсе...

– ...уже больше двадцати лет. Вот я и подумал, а как мне, человеку, большую часть жизни проводящему на работе, – Железнов широко улыбнулся, – собрать немереное число красавиц к себе...

– И не отходя от места...

– Именно так – не искать по городам и весям самую-самую...

– А собрать их здесь...

– Да! Собрать здесь самых красивых женщин России. И прямо в рабочее время...

– Выбрать лучшую из них. И предложить ей...

– Не-е, Александр Борисович. Насчет предложить – это уж вы махнули...

Рокотов вновь рассмеялся.

– Саша, подумайте, раз вы автор, вам обязательно нужно участвовать в проекте.

– В качестве кого? – Железнов был совершенно не готов к подобному предложению.

– Придумайте. Вы же человек с большой фантазией, как выяснилось.

– Скорее с жизненным опытом.

– Вот и придумайте себе должность. Во всяком случае, креативную часть проекта я поручаю вам. Удачи вам, Саша, – Рокотов протянул руку.

– Служу целевой аудитории! – Железнов по-военному щелкнул каблуками и шутливо-демонстративно кивнул головой (типа «Всегда!»).

Внутренне улыбаясь, Железнов наконец-то выбрался в огромный холл. Моментально оценив, что плотность «местного населения» достаточно высока на периферии (на диванах), а центр, где стояли высокие фуршетные столики, – практически пуст, Железнов направил свои стопы в центр холла, равноудаленно от всех присутствующих, где можно было вдали от шума и гама, царивших в зале, не спеша ощутить букет хорошего красного испанского.

*** (1)(1) Маша

Гостиница «Рэдиссон Славянская»

За 12 месяцев до выхода в эфир финальной игры «Она мне нравится».

Закулив и сделав пару глотков, как выяснилось, прекрасного вина, Железнов осмотрелся.

Ага, все как и всегда: представители производящих программы и сериалы компаний крутятся вокруг программного департамента; «продажники» – рядом с рекламными агентствами; пиарщики – с журналистами. Кто-то отдыхает, а кто-то работает. Все по-честному.

А это что за персонаж? На диване, откинув в сторону руку с телефоном, восседала (нога на ногу) очень ухоженная, в районе тридцати двух – тридцати пяти лет женщина с тонкими чертами лица. «Лицо не очень красивое, но волосы – шедевр», – мелькнуло в голове у Железнова – у нее была шикарная рыжая грива. «И лицо – холодное и властное. Типичная стерва. Проверим?» Чувствуя, что сегодня настроение ему не испортит никто и ничто, Железнов затушил сигарету и, прихватив бокал, направился к незнакомке.

– Вы не из дворян?

– А что, налицо признаки вырождения?

«Стерва... Но реакция какова! Моментальная. Оценка – «отлично».

И голос, голос – просто обворожительный, низкий, с легкими элементами хрипотцы.

– Не хотелось бы быть невежливой, но вам что, места мало? – рыжая подняла глаза, которые оказались голубыми.

«Не классика, по классике у рыжей стервы глаза должны быть зелеными».

– Меня зовут Саша, а вас?

Женщина как-то удивленно усмехнулась.

– Мария Николаевна... – И, после паузы: – Александр.

– Значит, Маша. Маша – звучит красивее и теплее. Но вам оно как-то не идет. Вам больше подошло бы Маргарита, у вас твердый, я бы даже сказал, жесткий взгляд.

– Вы со мной знакомитесь или как?

– Знакомлюсь. А что, незаметно?

– Чересчур. Вы считаете это нормальным? Вот так подойти к незнакомой женщине и сходу дать оценку взаимосвязи ее имени и характера?

– Ну, во-первых, только к прекрасным незнакомкам и подходят для того, чтобы познакомиться. А во-вторых, видно, что вас трудно чем-либо смутить.

– Вы что, психолог?

– Да нет, чистильщик. Финансовый. – Железнову показалась, что дама несколько напряглась. – Борюсь с энтропией в области финансовых потоков и финансового документооборота. Как выяснилось, люди фатально безграмотны в сфере документального отображения финансовых операций. – В этом месте монолога Железнова по лицу Марии Николаевны пробежала легкая улыбка в виде почти незаметного движения в уголках губ. – Немного людей представляют, что все, повторяю, все, что создано руками человеческими и природой, должно быть учтено в виде денежной оценки и существует в виде бухгалтерских документов, перемещаясь из баланса в баланс при помощи реализации и оприходования – и заканчивая свой век в виде акта о списании. К этому имеют отношение достаточно многие, но далеко не все умеют или желают делать это грамотно. Пойдемте потанцуем, – неожиданно для себя закончил Железнов.

– Да вы поэт... в области финансовой зачистки. Да нет, танцевать с вами я не буду, я...

– Жаль...

– Да ладно вам, найдете с кем потанцевать.

– Но я хочу именно с вами, вы очень красивая. – Почему-то ему решительно захотелось пригласить эту уверенную в себе и, судя по всему, далеко не глупую женщину на танец. – Один танец. Или один номер.

– Цирковой?

– Телефонный.

– Основания?

– Вы меня заинтересовали.

– Аргумент так себе, слабоват, но есть шанс – если ответите честно. Давно вы меня знаете? И что вам от меня нужно? Ответите честно, дам телефон секретаря.

– Секретаря? – На лице Железнова одновременно возникло выражение удивления и разочарования. – Не-е, – протянул он, – с секретарем своим общайтесь сами. Ладно, нет так нет. – Железнов поднялся с кресла, намереваясь вернуться в зал. – Хорошего настроения.

– Пойдите, Александр! – Мария Николаевна также поднялась с дивана. – Проводите даму до выхода. Надеюсь, пальто вы подавать умеете?

– «Надежды юношей питают», – процитировал Железнов, – но к вам, ясен перец, это не относится. Конечно.

– Что «конечно»?

– Да умею я, пальто умею, и в дверь умею пропускать, и руку даме подавать, когда след...

– Да откуда же эти несовременные умения, вы не из прошлого века?

– Из позапрошлого. В прошлом – не умели. Кадетствовал одно время... Давайте номерок.

Минут пять Железнов простоял с шубой в руках, ожидая товарища Жеглова со товарищи – Мария Николаевна куда-то незаметно исчезла, пока он менял номерок на шубу, – и размышляя, сколько за эту шубу могут впаять, пока не увидел ее выходящей из дамской комнаты, где она, как понял Железнов, освежала боевой окрас.

– Дальше провожать меня не нужно. – Мария Николаевна достала из сумки достаточно изящный телефон. – Давайте я запишу номер.

– Вам секретаря или референта?

– Да ладно вам, Саша, давайте ваш номер, – Мария Николаевна улыбнулась, но как-то грустно. – Я позвоню вам, когда будет возможность и настроение.

– Ага. Необходимое и достаточное.

– Не поняла.

– У вас математический ум – вы назвали два условия, которые должны совпасть по времени, для того чтобы звонок состоялся.

– Не обольщайтесь по поводу двух. Я не все озвучила. Вы еще не передумали давать телефон? – напомнила Мария Николаевна.

– Звоните... – Железнов продиктовал номер телефона. – Но с моей стороны тоже будет одно условие.

– Какое еще условие? – в голосе Марии Николаевны прорезался металлический оттенок.

– Принципиальное. Если вы позвоните, то учтите, что называть я вас буду Маша и только Маша. Если вас это не устраивает, то лучше и не звоните. Всего доброго. – Железнов развернулся и, не оборачиваясь, направился в зал.

***** (2)(1) Игра (Формат: «Она мне нравится»)**

Студия

За 60 минут до прямого эфира финальной игры.

«Рассвет был долгим» – эта дурацкая фраза уже почти час молотила в голове и Железнов никак не мог от нее отвязаться, несмотря на то что занимался очень важным и нужным делом – просматривал на мониторе вопросы для участниц второго тура. «Ну да черт с ним, с рассветом, будем запрягать, а то ехать пора». Железнов вставил в комп флешку и уже было набрал команду на копирование, когда раздался звонок по внутреннему.

Взглянув на определитель, Железнов взял трубку.

– Привет, Маринка!.. Вопросы для второго тура? Уже копирую... Да. Минут через двадцать буду... Нет. Сейчас проведу утренний обход и предстану... как конь перед травой... Как всегда: на девочек посмотреть, мальчиков проверить. Поштучно. Опять же – ведущий, чтобы не опухший... Да не забуду я твою флешку!.. Нет, ответственная у нас за все – это ты, красавица. Все. Жди.

Железнов вытащил флешку из компа, на секунду-другую огляделся, ища колпачок от нее же, и с мыслью «Неактуально» вышел из кабинета.

В первой контрольной точке предстартовой проверки – в «Пентагоне» (сам Железнов называл эту процедуру, которую он проводил перед каждым прямым эфиром, утренним обходом) на появление Железнева никто не обратил внимания.

Как и всегда перед игрой, изнутри «Пентагон» напоминал разбуженный муравейник. В каждой гримерке – своя команда, свой набор специалистов: стилист, визажист, костюмер, психолог – в зависимости от размера кошелька спонсоров участницы. И все они куда-то бегут, что-то заносят, что-то выносят, суют свой нос в чужие гримерки, в общем – дурдом на выезде. Эффект был впечатляющим, учитывая, что в этом огромном помещении правильной пятиугольной формы (из-за чего, собственно, и прижилось название «Пентагон») находилось тридцать две (!) гримерки, а соответственно – тридцать две участницы игры и, куда уж деваться, тридцать две их команды.

Пару секунд понаблюдав за всем этим хаосом, Железнов достал мобильник и набрал номер.

– Алиса, это Железнов. Ты где? ... Я здесь, в «Пентагоне».

Алиса, администратор по участницам, вынырнула откуда-то из толпы через пару секунд. Ее зону ответственности Железнов считал одной из самых важных – именно она отвечала за то, чтобы все тридцать две участницы шоу были на месте и к началу игры – в полной макияжной готовности.

– Привет. Что у тебя? Все на месте?

Алиса инстинктивно взглянула на списки в руке.

– Да часа два уж как. Если бы не охрана, – кивок в сторону входа в павильон, – вообще не продохнуть было бы. И родственники, и спонсоры... Прут как тараканы из щелей...

– Разобралась?

– Разобралась. – Алиса слыла девушкой с характером. – Да как всегда, наладила всех соперничающих в конференц-зал. И места там достаточно, да и мониторов с десятков. Все увидят.

– Ну, молодец. Если что, звони.

Второй по важности контрольной точкой утреннего обхода Железнов считал бар, где собиралось жюри. Пятьдесят один мужчина, как в копеечку, разного возраста и социального

положения, совершенно разные по виду, но объединенные правом. Правом в прямом эфире прямым, не тайным голосованием выбирать более красивую, на их взгляд, женщину. Железнов очень серьезно подходил к процессу формирования жюри, потому как объективность в голосовании при оценке женской красоты – это краеугольный камень, на котором было отстроено все шоу.

Железнов в бар проходить не стал, остановился у входа, моментально оценив, что практически все столики бара заняты мужчинами, они же – члены жюри, которые независимо от зоны (курящая/некурящая) пили кто чай, кто кофе, вяло полистывали журналы и газеты и в основном обсуждали предстоящую игру.

Железнов нашел взглядом Викторию, администратора по жюри, которая расположилась за одним из ближайших ко входу столиков бара, буквально заваленным железнодорожными и авиабилетами, что было и немудрено – жюри собиралось со всей страны.

– Вика, привет! Ну, что у тебя – мальчишки-голосовальщики все в сборе?

– Сейчас, – она кивнула головой в сторону барных залов, – сорок восемь единиц в наличии, трое на подходе. Из гостиницы уже полчаса как стартовали.

– А резерв?

– Похоже, что не нужен. Но если что...

– Поймаем первых попавшихся в коридоре?

– Или охранниками дополним. Они сегодня все при параде. В костюмах.

Железнов сомнительно покачал головой.

– На них сегодня особо не рассчитывай.

– А что так? – Виктория подняла удивленный взгляд.

– Да есть причины. Теоретические. Ладно, разберешься. Что с документами?

– Да как всегда – есть и билеты потерявшие, и паспорт забывшие.

– И?

– Решаем. Не бери в голову.

– Пиво никто не протащил? Или чего еще...

Виктория улыбнулась, вспоминая.

– Да был один с попкорном...

– С чем? – удивился Железнов. – Не патриот. Отечественный формат – семечки.

– Да уж... В общем, отобрала.

В это время в дверях бара появился молодой мужчина интеллигентного вида, в очках, с авиабилетами в руках, судя по всему – сорок девятый член жюри. Увидев Викторию, он протянул ей билеты:

– Это вам?

Виктория подтянула к себе список:

– Фамилия?

– Июльский.

– Летний, значит. – Виктория сделала пометку. – Есть такой. – Подняла голову к Железнову: – Саш, нормально здесь все. Если что, звонить не буду, – улыбнулась, – сама справлюсь.

– Кто б сомневался. Спасибо тебе. Побежал...

– Удачи...

– А деньги? Где можно получить деньги за билеты? – уже выходя из бара, услышал Железнов, сам же подумал: «Так, теперь – ведущий, ну а уж потом – к айтишникам».

Гримерка у ведущего шоу Алексея Дикало, как у гранда телевидения, была отдельной и находилась между студией и аппаратной, откуда осуществлялось режиссерское управление проектом.

По пути к ведущему Железнов не удержался и заглянул в студийный павильон, в котором, собственно, и происходит основное действие шоу: здесь располагаются подиум и неболь-

шая сцена в конце его. Здесь же – кресла для жюри, которые амфитеатром окружают подиум, обеспечивая великолепный обзор.

Железнов окинул взглядом павильон, в котором царила обычная предстартовая подготовка к шоу. Все восемь ТВ-камер на месте, возле них готовятся к съемкам операторы. Осветители по команде главного оператора выставляют свет. Технические работники стыкуют кабели, устанавливают ветродуйки и так далее. На табло – графическая заставка – логотип программы «Она мне нравится». Уборщица до блеска начищает подиум. Все как и всегда.

Несколько секунд Железнов молча фиксировал степень готовности павильона, переводя взгляд с объекта на объект: «Угу... угу... не угу – ага. Плохо. Двойка», – после чего покинул павильон, чем-то слегка раздосадованный.

Слегка приоткрыв дверь в гримерку, Железнов смог убедиться, что здесь все по плану – ведущий программы Алексей Дикало на месте, в кресле перед зеркалом, вокруг него крутится гример, нанося последние штрихи на известное всей стране лицо.

Железнов уж думал было ретироваться, когда услышал:

– А, Саша... Не употреблял я вчера. И не брился сегодня. Зато спал дома...

– Так вы же не видите меня. – Железнов был несколько ошарашен подобным заявлением из-за того, что Дикало головы не поворачивал, а в зеркало Железнова он видеть не мог.

– А ты никогда не стучишься. Не замечал?

– А вдруг поклонница какая... или режиссер незванный?

– Здесь нет поклонниц, здесь только финалистки шоу, которые тоже сейчас заняты подготовкой. Ладно, – Дикало решил сменить тему. – Саша, письмо твое я прочитал. Что, все так серьезно?

Железнов вошел в гримерку и прикрыл за собой дверь.

– Хотелось бы надеяться, что нет.

– Но ты страхуешься, однако.

– Запас, как известно, карман не тянет.

– Не люблю я импровизаций.

– Это вы-то?! – На лице Железнова появилось искреннее удивление. – Вы же только этим и занимаетесь.

– Чужих, Саша, чужих импровизаций я не люблю.

– Что ж, будем надеяться, что на каждую кастрюльку найдется крышечка, – произнес Железнов, думающий, судя по выражению лица, о чем-то другом. – Ладно, Алексей, удачи! – После чего ретировался из гримерной.

Осталось зайти к айтишникам в аппаратную – скинуть вопросы, которые «великая тайна есть», а заодно и посмотреть – не гоняют ли они очередную прыгалку-леталку.

В аппаратной айтишники, Андрюша Борисов и Паша Коваль, бурно обсуждали с редакторской группой в лице Марины прогнозы на предстоящую финальную игру.

– И что? Вы вправду считаете, что обязательно победит одна из этих четырех? – Марина смотрела на айтишников как на детей малых, которые не ведают, что говорят.

Андрей Борисов, волосы ежиком, фигура – бутылкой, 42 года, взгляд – немигающий, ярый сторонник двух вещей – холостяцкого образа жизни и принципа открытого построения баз данных, сидя в кресле на своем рабочем месте в аппаратной, в очередной раз заглянул в монитор своего компьютера.

– Да. Чернова – двадцатый, Строева – двадцать девятый, Соболева Ксюша – третий или Катя Силуминова – девятнадцатый.

– Да откуда вы это знаете?! – Марина была явно возмущена самоуверенностью коллег.

– Так говорит «Джюльетта», – Борисов кивнул головой в сторону компьютера.

– Ну не знаю. Мне так больше нравится Янка Абдулова.

– Ты – женщина и...

– Ну спасибо, заметил...

– ...и, конечно же, имеешь право на свое мнение... – подключился к обсуждению Паша Коваль, бородастый великан в очках, второй из айтишников, – ...а «Джюльетта» (Паша постучал пальцем по компьютеру Борисова) считает предпочтения мужчин.

– И наша главная цель, – продолжил Борисов, – как говорит Железнов, понять, почему нам, мужикам, нравятся именно эти женщины, а не какие-то другие...

– Не профессионально изможденные модельки тридцать восьмого размера, – на лице Павла появилось презрительное выражение, – а нормальные обычные женщины или девушки, не суть, которые окружают нас по жизни тут и там.

Марина, видя, что коллег не сдвинуть с занятой ими позиции, решила зайти с другой стороны.

– И как же это Железнову удалось сговорить вас... э-э-э...

– Вытащить аналитику из сплошного мужского субъективизма?

– Ну да!

– Так Железнов же – бывший ученый, научник, – Андрей характерно блыкнул глазами, – как сам он себя обзывает...

– Точно, я даже слышал, что у него и ученое звание есть, – добавил Паша. – В общем, поставил нам задачу...

– ...сказал, где лежит исходная информация, – продолжил Борисов свою мысль, – и что должно быть на выходе.

– Да уж, по тарелке не размазывал. В общем, в итоге мы сваяли «Джюльетту», программку для расчета рейтингов финалисток.

– И что, – в голосе Марины в явном виде присутствовал сарказм, – вы уже всем рассказали, кто «точно» (!) выиграет?

– Нет, конечно. Только тебе, сейчас.

– И что же вас остановило?

– Не что, а кто. Железнов еще неделю назад спустил на нас бобика... – Борисов улыбнулся.

– Ага. – На лице Паши также всплыла улыбка. – Сказал, что за разглашение служебной тайны прекратит нашу трудовую деятельность, и вовсе не по причине КЗоТа, а типа руки-ноги ломает...

– ...И в клавишу после этого носом тыкать будем.

– Понятно. Железнов слов на ветер не бросает. – Марина уселась на свое рабочее место. – Я на вашем месте не баловалась бы – точно в угол поставит.

– Совсем за несмышленных нас держишь. – Во взгляде Борисова появилась легкая укоризна. – Не-е... Железнов – мужик правильный. Он дело говорит. Нечего до игры инсайд распускать среди населения.

При появлении Железнова первой сориентировалась Марина.

– Вопросы принес?

– А то. – Железнов протянул флэшку. – Все в формате, как всегда. Маринка, чашечку кофе, а?

– Кто ж тебе откажет? – Марина бросила кокетливый взгляд на Железнова. – Крепкий. И без сахара, – констатировала она.

Железнов кивнул головой:

– Верный образ.

– Пару минут, Саша.

После того как Марина вышла, Железнов вопросительно уставился на Андрюху.

– Ну?

– Да проверяли мы! Каждый пульт – и на белый, и на оранжевый. Пашка давил, я проверял.

– Выборочно?

– Ага, себе дороже. Все, все пятьдесят один и проверили. Хватит нам прошлого раза.

Дело в том, что на четырнадцатой игре отказало сразу три пульта для голосования. Эфир прямой. Мужики голосуют – выбирают из двух участниц на подиуме одну, давя на одну из двух кнопок пульта – белую или оранжевую, в зависимости от того, в секторе какого цвета, белого или оранжевого, находится понравившаяся голосующему претендентка на выход в следующий круг.

Результаты голосования с айтишного компьютера выводятся на здоровущий экран в студии – и все видят, кто и как голосовал. Самое главное, что это же видит и каждый голосующий, так называемый член жюри. На экране, в зависимости от того, какую кнопку, белую или оранжевую, он нажал, номер члена жюри заливается соответствующим цветом.

И, естественно, выяснилось это при первом же голосовании. «Провисли» и не заливались результаты голосования от судей под номерами 4, 23 и 36. Как говорится, «извините за некоторые технические неувязки, которые произошли за пределами нашей страны»... Хорошо, что в это время в аппаратной был Наум Сергеевич Александров по прозвищу Гений (присвоено себе самозахватом), он же главный режиссер всего проекта.

Моментально выяснилось, что в студии есть только один запасной пульт, остальные – в семи километрах по пробкам, в старом офисе. В авральном режиме от Гения полетели команды: операторам – камеры с мужской зрительской аудитории убрать, запасной пульт – четвертому, Андрюхе – номера с неработающими пультами заливать вручную на компьютере, ему же на вопрос «Каким цветом?» – «Да хоть помоями! У тебя что, большой выбор?! Либо белым, либо оранжевым! Одним из двух!»

– А каким? – продолжал тормозить Андрюха.

– Да любим! – Наум на секунду задумался. – Нет, по большинству.

– А если голосование будет равным? – не унимался Андрюха.

– Заливать!!! – рявкнул Гений, увидев, что на подиум выходят две очередные претендентки.

– Вся ответственность на тебе, – продолжал нудить Андрюха, – я выставляю десятисекундную задержку на выдачу результатов.

– Давай! На мне! О твоей поговорим потом! Камеры! – Наум сдвинул микрофон ко рту. – Камеры, по экрану – десятисекундная задержка!

– Пока привезут пульта, Паша и Марина – в зал! Подсматривать, как эти два кадра давят на кнопки, и семафорить!

– Как?!

– Руки вверх – оранжевый! Руки в стороны – белый! Бегом, физкультурники!

Именно это и подразумевал Андрюха, вспоминая прошлый раз, когда Пашка с Мариной в течение сорока минут вытягивали шеи и размахивали руками, а Андрюха, дабы не перепутать, все это время сидел и бубнил: «Мариша – вверх – 23 – оранжевый. Паша – вверх – 36 – оранжевый. Мариша – в стороны – 23 – белый. Паша – вверх – 36 – оранжевый...»

После этого случая процедура проверки пультов перед эфиром стала обязательной и была возложена на самых «заинтересованных» людей – айтишников Андрюху и Пашку.

– А лототрон заодно не проверили? – продолжал допрос Железнов.

– Что, шары пересчитать? Так это же нужно уметь считать до 32-х, практически лицензируемая деятельность. Опять же – вынуть все, сложить обратно, а сложить обратно так, как они лежали в лототроне, не получится, а что это значит?

– Ну и что это значит? – подставился Железнов.

– А это значит, – продолжил Андрюха, – что мы вмешаемся в случайный, заметьте, абсолютно случайный процесс выбора пар претенденток, весь расклад пойдет по-другому. А это знаешь что?

– Что? – еще раз подставился Железнов.

– А это означает, что выиграть может не та, которая должна. А это уже поломанные судьбы, как понимаешь. Такая ответственность не для нас.

– Выводы?

– Вывод простой: шары загружать может либо тот, кто может взять на себя ответственность воздействовать на чужие судьбы, либо тот, кто ничего в этом не понимает.

– Лодыри. – Железнов достал телефон. – Коля, у тебя лототрон кто-нибудь смотрел? ... Что значит «вчера»?! Там за ночь кто-нибудь пару шаров спер, в бильярд поиграть! ... Да знаю я, что зал сдается под охрану! Проверить! Поштучно и функционально! И доложить! Все. Давай...

Железнов повернулся к Андрюхе:

– Сигнал на мониторе ведущего?

– Оба потока: и редакторский, и наша графика.

– Ну ладно, парни, давайте выводите заставку на экран. – Железнов кивнул в сторону огромного, три на четыре экрана, висящего над «гладиаторской». – Удачи!

Сам же Железнов задержал взгляд на «гладиаторской»...

«Бог ты мой, ведь каждая там считает себя самой-самой. Хотя... Там и вправду самые-самые. Самые красивые, самые уверенные и самые не дуры...»

*** (1)(2) Маша

Офис телекомпании

*За 11 месяцев 16 дней до выхода в эфир финальной игры «Она мне нравится».
Через две недели после Нового года. Понедельник. 9:30 утра.*

Железнов как раз нарезал дольками симиренку для Оберста, когда раздался звонок по мобильнику.

Оберст – одно из наиболее близких Железнову мыслящих существ, большой зеленый попугай-амазон с желтой головкой и красными подкрылками, привезенный из далекой Гайаны, расположенной где-то в Южной Америке, – довольно уркал, предвкушая кусочек лакомства. Экспериментальным путем Железнов достаточно быстро установил, что эта экзотичная птица совершенно не любит родные для нее заморские фрукты типа ананасов, манго, авокадо и прочего фейхоа, а всему прочему предпочитает яблоки, причем никакая антоновка или белый налив не годятся, а вот подавай ему симиренку, и все.

Телефон настойчиво издавал фирменный сигнал Sony Ericsson. Железнов со словами «Друг ты мой обрусевший...» засунул дольку симиренки между прутьями решетки громадной клетки возле жердочки, на которой любил пребывать Оберст, вытер ножик и руки салфеткой и откинул крышку телефона. Абонент был неизвестен.

– Але. Старые примусы починять не принимаем, только образцы после тысяча девятьсот третьего года. Седьмая, слушаю вас...

– Саша? – неуверенно произнес насыщенный низкий женский голос.

– С утра – да, Саша. К вечеру – неизвестно. Вдруг кто-нибудь предложит мне руку и сердце, и я как человек застенчивый отказать не сумею, женюсь и возьму имя жены...

– Саша, это Маша. Помните Новый год вашей компании, женщину, с которой вы хотели потанцевать... Как видите, я согласна на Машу, это было ваше условие.

– Маша? – Железнов непроизвольно взял секундную паузу – после Нового года на него навалилось столько проблем по организации его шоу: и кастинги участниц, и подбор ведущих, и строительство декораций, и логистика размещения участниц и жюри, и так далее, и так далее, что перебирать в голове какие-то воспоминания ему было не то что некогда, а категорически некогда, лишь бы до подушки добраться. Однако яркая женщина с характером вспомнилась сразу же. – ...А-а-а, это та рыжая красавица, которая не дает мне спокойно уснуть уже две недели подряд и исчезла, не оставив туфельки? Честно говоря, не ожидал...

– Да ладно вам, Саша. Вы же знаете, что я далеко не красавица.

– Ну, этот вопрос я даже обсуждать с вами не буду. Вы не поверите, но я – официально признанный авторитет в вопросах оценки женской красоты...

– Кем официально?

– Статусом экспертов интересуетесь, – констатировал Железнов. – Верный подход. Тогда сообщаю: признан в узком кругу ограниченных людей на одном из ведущих телеканалов нашей страны, к числу которых относится и наш, конечно.

– Попахивает тайным орденом...

– Как раз наоборот! Учитывая мое не обремененное знанием европейской культуры сознание, а также принимая во внимание мою близость к народу, то есть я фактически и есть народ, – Железнов, неся весь этот бред, наконец-то услышал то, чего и добивался, – легкий смешок на том конце телефонной трубки, – то, естественно, когда возникает вопрос о женских лицах, выносимых на наружную рекламу, независимо от того, имиджевая это реклама либо сериал, директор департамента маркетинга, как правило, приглашает меня к себе. И из двух

сотен фотографий женских лиц предлагает мне выбрать лучшую, на мой взгляд, и худшую... Иногда просят прокомментировать мой выбор. При этом практически всегда креатив со мной соглашается.

– То есть те ужасные лица, которыми завешаны все остановки, выбираете вы? – Чувствовалось, что Маша улыбается.

– Те, что добрые внутри, – я, – подхватил Железнов. – Так что, Маша, вопросы оценки красоты, не обижайтесь, я даже обсуждать с вами не буду. Я сказал – вы очень красивая женщина, вам придется с этим согласиться... либо я вынужден буду прервать наше общение в силу расхождения наших взглядов по принципиальной для одной из сторон позиции.

– Вы меня не переубедили, но соглашусь, чтобы не расходиться...

– Ну да бог с ним, это не обсуждается. Маша, а вы где? Может, встретимся, выпьем по чашечке кофе?

– Извините, Саша, у меня на параллельном телефоне... – Железнов услышал современную электронную интерпретацию симфонии № 40 Моцарта, Маша на секунду запнулась, подбирая слово: —...Один из моих руководителей.

– Да, конечно, я подожду.

Железнов, зажав книжку телефона между ухом и плечом, развернулся к Оберсту, который с раскрытым от заинтересованности клювом внимал беседе своего друга. Железнов просунул руку в клетку и очень нежным движением указательного пальца снизу вверх захлопнул ему клюв, пробормотав при этом: «Подслушивать нехорошо». После чего совершенно цинично занялся тем же самым делом – подслушивать.

Совершенно другая Маша, вернее, Мария Николаевна абсолютно ледяным тоном выговаривала кому-то по другому телефону:

– Нет, Алексей Михайлович, мы уже один раз пошли им навстречу. Осмелюсь напомнить вам, что это было не более как месяц назад... Это их не оправдывает... Это их проблемы... Да, это жестко! Но это – правильно! Нет!.. Я не буду делать этого... Так и передайте... Спасибо. И вам всего доброго.

– Аллю, Саша, вы здесь? – Сухой лед мгновенно испарился из Машиного голоса.

– Да куда ж я денусь? А вы что, со всеми своими начальниками так разговариваете? У вас их много?

– Саша, я думаю, что у меня их больше, чем у вас. Извините, но я не хочу говорить об этом.

– Ну хорошо. Вольному воля. Продолжаем разговор. Вернемся к нашим баранам – мы сегодня сможем встретиться?

– Саша, я еду на работу. И... сегодня встретиться мы никак не сможем.

– Ага. Чувствую голос Марии Николаевны.

– Нет, Саша, вы недослушали меня. Для меня это удивительно, но все это время я вспоминала вас...

– Из-за моей настырности в желании познакомиться с вами?

– Да уж, вынуждена отметить, что вы были настойчивы. – Несмотря на смысловую нагрузку, Железнов в интонации Маши услышал явное одобрение. – Даже чересчур настойчивы...

– В свою очередь я должен признаться, что навязчивость – это не мой конек, обычно я более сдержан...

– И как мне это оценивать? Вы переступили через себя ради знакомства со мной?

– Ну, все не так радикально. Маша! Какая вы мудрая, вы в который раз пытаетесь увести меня от разговора о встрече. – Железнов решил не выпускать инициативу из рук. – Если у вас мало времени, то я могу подъехать к вашему офису...

– Нет, Саша, подъезжать никуда не нужно, во всяком случае сегодня. А встретиться с вами я хочу, Саша. Для меня самой это крайне удивительно – такого желания встретиться с мужчиной у меня не было лет семь-восемь.

Пораженный последней фразой Маши, Железнов несколько растерялся:

– Да... Неожиданно... Не разочаровать бы вас, Маша... от имени всех мужчин. Буду ждать звонка. Вы действительно, Маша, женщина неоднозначная, я сказал бы, интригующая.

Железнов схлопнул книжку телефона. Станный звонок. Странная, своеобразная женщина.

Раздался звонок по внутреннему.

– Фюр-рер, – по слогам произнес Оберст.

Фюрер – финансовый директор на внутреннем сленге компании.

– Нет, Оберст. – Железнов взглянул на определитель. – Это Ира Порываева, между прочим, симпатичная женщина, обрати внимание, – произнес Железнов, про себя подумав, что она, скорее всего, хочет уточнить что-либо по поводу постановки на баланс очередных сериалов в этом месяце.

– Але, Ирочка, привет, что тебя беспокоит, Красно Солнышко?

***** (2)(2) Игра (Формат: «Она мне нравится»)**

«Гладиаторская»

За 60 минут до начала прямого эфира.

Наум Александров, главный режиссер программы, невысокий, сухопарый, с густыми черными волосами, кое-где уже прореженными сединами, на секунду остановился перед дверью в «гладиаторскую», набрал по максимуму воздуха в легкие, резко выдохнул и рванул дверь на себя.

– Это гениально! Браво! Брависсимо! Это самое грандиозное созвездие красавиц в галактике! Девчонки, вы – лучшие! Каждая из вас достойна стать королевой! – Завораживающе сочный баритон Наума заполнил все пространство «гладиаторской». В ответ раздался восторженный визг красавиц: «На-а-у-ум!!!» – большинство девчонок выскочили из своих гримерок и бросились к Науму.

– Стоп! – Наум опустил голову, не поднимая взгляда, вскинул обе руки вверх. – Стоп! – В наступившей тишине он медленно поднял голову, обвел тяжелым взглядом сбившихся в небольшие кучки красавиц.

– Не выплескиваться! – почти прошептал он.

– Все, что у вас есть, вы должны отдать там! На помосте! – Голос Наума набрал сумасшедшую силу.

– На помосте!!!

Наум взял мхатовскую паузу и еще раз обвел тяжелым взглядом притихших участниц финала.

– Что для всех нас сегодня самое главное?! – Наум выбросил руку вверх – из сжатого кулака, как восклицательный знак, торчал указательный палец. – Дать этим примитивам в зале, – кивок в сторону выхода из «гладиаторской» на подиум, – не способным отличить леди от куртизанки, выбрать лучшую среди вас?! Смешно!!! Сегодня вы должны свести страну с ума! Сегодня в любой из вас! В каждой!!! Должен бушевать океан страсти, который с очередным взмахом ваших ресниц превращался бы в легчайшее дуновение нежности и кротости! Грация и неукротимая сила духа! Женственность и сексуальность в любом движении! И вселенский холод недоступности в глазах! Это все вы! Сегодня! Сегодня все мужчины в стране! Все! И те, что в зале! И все те, кто не смог пробиться на их место и вынужден сидеть у экранов, – все они должны разрываться! Разрываться от выбора!!! И не знать! Не знать, за кого голосовать!!! Каждый из них должен запомнить любую из вас на всю жизнь!!! И страдать! Страдать, потому что он должен хотеть выбрать всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.